

5.9.6 (10 02 22) ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ)
5.9.6 ЗАБОНҲОИ ХАЛҚҲОИ МАМОЛИКИ ХОРИҶИЙ (ЗАБОНҲОИ ЭРОНИЙ)
5.9.6 LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (IRANIAN
LANGUAGES)

УДК 811.21

DOI 10.24412/3005-849X-2025-3-97-107

**ДИДАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
НАРРАТИВЕ: ТЕМАТИКА,
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ**

Мурувватиён Сабрина Шерали-хан,
соискатель Института языка и
литературы им. Рудаки НАНТ
(Душанбе, Таджикистан)

**ВАЗИФАИ ДИДАКТИКИИ
ТАКРОРИ ЛЕКСИКӢ ДАР НАҚЛИ
ШАРҲИҲОӢ: МАВЗУӢ,
СТРАТЕГИЯҲОИ ТАРҶУМОӢ**

Мурувватиён Сабрина Шерали-хан,
унвонҷӯи Институти забон ва
адабиёти ба номи Рӯдакии АМИТ
(Душанбе, Тоҷикистон)

**DIDACTIC FUNCTION OF
LEXICAL REPETITIONS IN
AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE:
THEMES, TRANSLATION STRATEGIE**

Muruvvatiyon Sabrina Sherali – Khan,
applicant of the Institute of language and
literature named after Rudaki NAST
(Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: sabrina.muruvvatiyon@mail.ru

Рассматривается лексический повтор как важный лингвопоэтический прием в автобиографической прозе Садриддина Айни на примере его «Воспоминаний». Уделяется внимание повторяющимся лексемам, обозначающим сезоны года («зима», «осень»), а также ключевым персонажам — «падар» (отец) и «модар» (мать). Показано, что повтор выполняет многозначные функции: создание ритмической и композиционной структуры текста, передачу эмоционального и философского содержания. Сезонные лексемы выступают как метафоры жизненных этапов, отражают внутреннее состояние героя и социокультурный контекст эпохи. Образы отца и матери несут глубокую культурную и эмоциональную нагрузку, символизируя семейные ценности, преемственность и экзистенциальные вопросы. Переводческие стратегии, применённые в русском варианте, в целом сохраняют семантику и эмоциональную насыщенность оригинала, хотя в некоторых местах наблюдаются стилистические упрощения. Лингвопоэтический анализ повторов выявляет многослойность текста и способствует глубокому пониманию авторской концепции жизни, человеческих переживаний и историко-культурного контекста. Демонстрируется, что лексический повтор в автобиографической прозе — ключевой элемент смысловой организации, отражающий философию жизни и социальные реалии таджикского общества конца XIX — начала XX века.

Ключевые слова: лингвопоэтика, повтор слов, сезонные лексемы, переводческие стратегии, автобиографическая проза, лексический повтор

Такрори лексикӣ чун усули муҳимми лингвошӯёрӣ дар насри шарҳиҳолии Садриддин Айнӣ дар намунаи “Ёддоштҳо” баррасӣ шудааст. Ба лексемаҳои тарқоршавандае, ки фаслҳои сол (“зимистон”, “тирамоҳ”)–ро ифода мекунад, ҳамчунин ба персонажҳои калидӣ – “падар” ва “модар” диққат махсус дода шудааст. Зикр гардидааст, ки такрори калимаҳои вазифаҳои зиёдеро иҷро мекунад: ба вучуд овардани сохтори оҳангӣ ва композитсионии матн, интиқоли муҳтавои эҳсосӣ ва фалсафӣ. Лексемаҳои мавсимӣ ба ҳайси маҷозҳои

марҳилаҳои ҳаёт хизмат мекунанд, ки ҳолати ботинии қаҳрамонон ва бофтори иҷтимоӣ фарҳангии замонро ифода менамоянд. Тимсолҳои падар ва модар бори амиқи фарҳангӣ ва эҳсосиро кашида, арзишҳои оилавӣ, идомат ва масоили экзистенсиалиро таҷассум мекунанд. Стратегияҳои тарҷумонии дар варианти русӣ истифода шуда, дар умум семантика ва эҳсосгунҷоии нусхаи аслро нигоҳ медоранд. Ҳарчанд дар баъзе мавридҳо содакунӣ услубӣ ба назар мерасад. Таҳлили лингвошӯърии такрорҳо серқабатии матнро ошкор месозад ва ба дарки амиқи консепсияи ҳаёти муаллиф, эҳсосоти инсонӣ ва бофтори таърихӣ фарҳангӣ мусоидат мекунад. Собит карда шудааст, ки такрори лексикӣ дар насри шарҳиҳолӣ унсури калидии ташикли муҳтавоӣ буда, ҷалсаҳои ҳаёт ва воқеияти иҷтимоӣ ҷомеаи тоҷиконро дар охири қарни XIX ва оғози садаи XX инъикос мекунад.

Калидвожаҳо: лингвошӯър, такрори калимаҳо, лексемаҳои мавсимӣ, стратегияи тарҷумонӣ, насри шарҳиҳолӣ, такрори лексикӣ

The article examines lexical repetition as an important linguapoetic device in the autobiographical prose of Sadriiddin Aini using the example of his “Memories”. Attention is paid to the recurring lexemes denoting the seasons of the year (“winter”, “autumn”), as well as the key characters – “padar” (father) and “modar” (mother). It is shown that repetition serves multiple functions: creating the rhythmic and compositional structure of the text and conveying emotional and philosophical content. Seasonal lexemes act as metaphors for stages of life, reflecting the protagonist's inner state and the sociocultural context of the era. The images of father and mother carry deep cultural and emotional connotations, symbolizing family values, continuity, and existential questions. The translation strategies applied in the Russian version generally preserve the semantics and emotional richness of the original, although stylistic simplifications are observed in some places. Linguistic and poetic analysis of repetitions reveals the multi-layered nature of the text and contributes to a deep understanding of the author's concept of life, human experiences, and historical and cultural context. It is demonstrated that lexical repetition in autobiographical prose is a key element of semantic organization, reflecting the philosophy of life and social realities of Tajik society of the late 19th and early 20th centuries.

Key-words: lingua-poetics, word repetition, season lexics, translation strategy, autobiographical prose, lexical repetition

Произведения Садриддина Айни — яркий пример богатства и многообразия таджикского языка, где мастерски использованы красочные метафоры и фразеологические обороты, сохранено тонкое звучание слов. Все его творчество проникнуто любовью к родному языку, он умело использовал каждое слово, превращая свои детища в произведения словесного искусства. Благодаря мастерству Айни и без того богатый таджикский язык стал еще более богатым, выразительным и насыщенным тонкими нюансами, позволяя передать самые глубокие чувства и мысли. Творения Айни — это не только искусство, но и настоящее наследие, удивительное по красоте и силе слова.

В статье предпринята попытка проанализировать структуру и смысл тематических повторов и мотивов в автобиографическом нарративе — элементов, которые возвращают читателя к значимым воспоминаниям, переживаниям и образам, формирующим внутреннюю архитектуру текста. Материалом для исследования служат «Ёддоштҳо» [1, 680 с.] и их перевод на русский язык, выполненный А.З. Розенфельд, – «Воспоминания» [2, 1087 с.].

Особое внимание уделяется мотивам детства, фигурам отца и матери, а также сезонным маркерам времени, которые в автобиографической прозе приобретают символическую значимость. Повторяющиеся мотивы не только структурируют повествование, но и задают эмоциональный ритм текста, становясь отражением

цикличности памяти и устойчивых ассоциативных связей. Повтор в данном контексте выполняет не просто функцию возвращения к ранее упомянутому, но и действует как средство углублённого осмысления: через возвращение к одному и тому же мотиву раскрывается изменяющееся восприятие автора, трансформация его личного опыта.

Важной задачей в переводе таких текстов становится *сохранение мотивной и повторяющейся структуры*, передающей не только содержание, но и внутреннюю поэтику оригинала. Переводческие стратегии должны учитывать и буквальный смысл повторов, и их *эмоциональную, символическую и культурную нагрузку*, обеспечивая целостность и многослойность автобиографического нарратива в иной языковой и культурной среде.

В автобиографическом нарративе повтор служит не только для акцентирования внимания на ключевых темах и идеях, но и выполняет множество других функций: *от создания ритмической структуры текста до передачи эмоциональной глубины, интонационной окраски и философского осмысления жизненного опыта автора*. В этом контексте повтор становится важным инструментом исследования внутреннего мира личности, её переживаний и социокультурного контекста, в котором она формируется и существует.

Автобиографическая проза как жанр сосредоточивается на индивидуальной памяти и личном опыте автора. Однако память, как известно, не линейна. В отличие от исторического повествования, автобиографический нарратив часто представляет собой «собирательную выкладку событий», в которой пережитое не выстраивается по строгой хронологии, а подчиняется внутренней логике воспоминаний. В этом смысле повтор становится способом удержания и актуализации значимого, возвращения к моментам, которые продолжают эмоционально или символически резонировать в сознании автора.

Одной из характерных особенностей таких текстов является частотное использование *сезонных лексем* — слов и выражений, связанных с временами года, природными циклами, погодными состояниями. Эти повторяющиеся элементы функционируют как своеобразные маркеры памяти: *они помогают структурировать повествование, становятся метафорами изменений, утрат и возвращений*. Сезоны в автобиографии не просто фон, а способ осмысления жизни во времени, где весна может ассоциироваться с детством, зима — со старением или утратой, а осень — с размышлениями и итогами.

В лингвистике вопросами повтора занимались многие ученые [3; 4; 5; 6; 7], по мнению которых повтор в автобиографическом нарративе может проявляться в различных формах: *лексической* (повтор одного и того же слова), *семантической* (повтор смыслов с использованием различных слов), *синтаксической* (повтор грамматических конструкций) и *звуковой* (аллитерации, рифмы и другие фонетические повторения). Каждая из этих форм вносит вклад в создание многослойного выразительного текста, в котором повтор становится не просто стилистическим приёмом, а *важным элементом смысловой и эмоциональной структуры*.

Эти слова играют *символично-композиционную* роль и не случайны в своём появлении: их частотность может отражать не только особенности повествования, но и выполнять *психологическую, поэтическую и социокультурную* функции.

Исходя из этого, проведение лингвопоэтического и содержательного анализа таких лексем позволяет выявить, как через повторение сезонных маркеров автор передаёт внутреннее состояние, этапы жизненного пути и глубинные культурные смыслы.

Так, в автобиографическом нарративе осень и зима часто ассоциируются с поздними этапами жизни или состоянием рефлексии. Сезоны здесь выступают как *метафоры жизненного цикла*: осень — зрелость, переход, подведение итогов, размышления; зима — старость, изоляция, физический и эмоциональный упадок, но в то же время — возможность

тишины, покоя, подготовка к новому витку жизни. В автобиографических текстах, где жизнь автора организована в *линейное* или *циклическое повествование*, эти природные образы становятся неотъемлемыми средствами выражения внутреннего мира.

Например, когда герой описывает детские воспоминания о бедности через образ *зимы*, он акцентируется не только на физическом холоде, но и на *социальной изоляции, эмоциональной уязвимости, отсутствии тепла* — как в прямом, так и в *метафорическом смысле*. Таким образом, повтор сезонных лексем в автобиографии не только структурирует текст, но и углубляет его психологическое и культурное содержание, превращая индивидуальные переживания в универсальные, значимые для целого сообщества.

Частое упоминание зимы и осени может отражать тяжёлые периоды в истории: зима может символизировать эпоху голода, репрессий, безработицы; осень — крах старого уклада, смену власти, чувство нестабильности. Например у Айни: «Умерла бабушка, спустя два года скончался и дед. Однако мой отец и после их смерти по-прежнему жил в двух местах: летом крестьянствовал в Соктаре, а зимой занимался тесанием мельничных колес и ткачеством в Махаллаи – Боло. Ткал отец лишь для того, чтобы снабдить семью одеждой и постелью, а мельничные колеса делал на продажу» [2, с.17] не просто факт, а свидетельство вынужденной экономической активности, означающей борьбу за выживание в суровых условиях.

Также упоминание сезонов может выполнять документальную функцию, помогая воссоздать атмосферу времени, календарную точность: такие детали усиливают *достоверность нарратива*, особенно в автобиографии, где важно подчеркнуть реальность происходящего.

Сезонная образность может отражать *психоэмоциональное состояние* героя: зима часто связана с ощущением холода, одиночества, отстранённости; быть символом жизненного застоя или тоски; временной остановкой (всё замерло, природа уснула, как и жизнь героя в этот момент). Осень ассоциируется с ностальгией, утратой, печальными размышлениями; переходом от активности к созерцанию; с началом увядания, а также созревaniem опыта. *Поэтическая функция* этих лексем выражается в том, что сезон в художественном тексте, особенно в автобиографическом, выступает как часть метафорической системы. Часто слова «зима» и «осень» становятся поэтическими символами: *зима может олицетворять безысходность, осень — меланхолическую мудрость*.

Если в тексте слово «осень» появляется в связи со смертью близкого человека или упадком традиционного уклада, то этот образ работает на *философский уровень текста*: «осень жизни», «осень эпохи». Повтор сезонных слов (особенно «зима», «осень») *создаёт ритм и тональность текста*: они могут становиться своего рода *рефренами*, вокруг которых строится эмоциональное напряжение, — это ритмико-композиционная роль повторов.

В «Воспоминаниях» слова «зима» и «осень» функционируют не просто как обозначения времён года, но и как *лингвопоэтические маркеры*: они задают тон, отражают этапы жизненного цикла (взросление, старение, изоляцию), выражают внутреннее и социальное состояние, становясь элементами повторяющегося образного ряда. Повтор лексемы «зима» не только усиливает тематику испытаний и переходов, но и служит средством тематической и структурной организации текста. Так, в предложении: «*Касби асосии зимистонии оммаи аҳолии ин деҳа пахтакашӣ буд*» [1, с. 9] // «*(...) зимой все население занималось очисткой хлопка от семян*» [2, с.14] зима маркирует не только сезон, но и *социальную функцию времени* — она определяет род деятельности, встраивает труд в систему годового жизненного цикла. Перевод адекватно передаёт это значение, сохраняя семантику сезонного труда и коллективности.

Во фрагменте «*Падарам дар ин фикр афтод, ки зимистони он сол ҳам моро ба Маҳаллаи Боло набарад...*» [1, с. 5] // «*Отец решил зимой не брать нас в Махаллаи-Боло...*» [2, с. 45] зима связана с *ограничениями, труднодоступностью ресурсов*, что делает её

метафорой трудной жизненной фазы. Слово «зимистони»/«зимой» передаёт и *физический холод, и эмоциональную отчуждённость*, что сохранено в русском переводе. Ещё более насыщен смыслом следующий эпизод: *«Дар зимистони ҳамон сол рӯзе бисёр барф борид ва сармо сар шуд... Падарам аз ман хоҳиш кард, ки ба ӯ либоси гарм ва озуқа бурда диҳам»* [1, с.198] // *«Однажды в ту зиму выдался снежный морозный день. (...) Отец попросил меня отвезти ему продукты и теплую одежду»* [2, с. 288]. Здесь «зима» несёт в себе *функцию испытания и заботы*, в контексте повтора и эмоциональной нагрузки подчеркивается уязвимость и необходимость семейной поддержки. В обоих языках лексема «зима» становится *символом преодоления*, и перевод передаёт это без потери семантической глубины. Особенно показателен фрагмент из рассказа «Одами бадбашара»: *«...пули кори яқсолаашонро аз ҷое, ки барои харҷи зимистониашон захира карда мондаанд...»* [1, с.229] // *«...вынуждены будут найти спрятанные ими на зимние расходы деньги...»* [2, с.331].

Здесь «зима» – символ предстоящих *трудностей, финансовых затрат и страха перед нищетой*; повтор делает этот образ устойчивым маркером жизненных испытаний. Перевод сохраняет метафорический и прагматический уровень значения, усиливая реалистичность повествования. Наконец, в биографии Хайрата: *«Дар зимистони соли 1901... дар ҳуҷрааш хобид»* [1, с. 419] // *«Зимой 1901 года ему пришлось уже оставить многие дела... и лежать в своей келье»* [2, с.590]. «Зима» здесь символизирует *застой, болезнь, отрыв от социума* — жизненный поворот к уединению и телесной уязвимости. Повтор подобных структур и образов усиливает психологическую глубину текста, и перевод сохраняет эту функцию благодаря точному воспроизведению образа.

Таким образом, *повтор лексемы «зима» в оригинале выполняет не только темпоральную, но и символическую функцию*, задавая тексту общую лирическую тональность, формируя хронотоп и подчеркивая внутреннюю драматургию персонажей. В переводе эти функции сохранены, что говорит о внимательном и чутком подходе переводчика к авторской лингвопоэтике.

Зима как повторяющийся мотив становится культурно окрашенным символом перехода, замедления, отчуждения, а также сезонного ритма труда и выживания. Повтор этого слова в разных контекстах превращает природное явление в *экзистенциальную категорию*, одинаково значимую и в оригинале, и в переводе: *«Акнун бими он буд, ки ҷуворӣ тамом талаф шавад ва мо ҳам талаф шавем, зеро адо кардани қарзи мурдаи падарам ва ҳўроки зимистонии мо ба саломат мондани ҳамин ҷуворӣ вобаста буд ва ғўза бошад, пояхушк шуда кайҳо талаф шуда рафта буд»* [1, с. 113] // *«Посеву сорго угрожала гибель, а вместе с ним и всем нам, потому что выплата наших долгов после похорон отца и наше зимнее пропитание целиком зависели от урожая сорго; что же касается хлопка, то он засох и уже ни на что не годился»* [2, с.168].

Осень в литературной традиции может ассоциироваться с затуханием активности, упадком, началом конца, что в контексте неудачной попытки людей восстановить русло реки придаёт повествованию определённую меланхолическую окраску. В следующем примере: *«Падар як қадар кушода шуда ба хикоя даромад. Назар ба нақли вай, мардуми тумани Шофирком тирамоҳи гузашта ба сари худ кўишиш кардаанд, ки рўди кўҳнаро аз сари нав кофта об ҷорӣ кунанд, аммо натавонистаанд, чандин бор регкашонӣ карда то ёбони Қо-Қо як чилдироба ҷорӣ намудаанд, аммо аз миёна ду рўз нагузашта аз лабҳои рўд ба дарунаш боз рег шорида фуromaда дубора ғўронидааст»* [1, с. 51] // *«Немного придя в себя, отец стал рассказывать: “Жители Шофиркумского тюменя решили углубить старое русло канала и сделать его проточным, только осуществить это им не удалось. Они несколько раз выгребали песок и до самой степи Ко-Ко пустили небольшой ручей; но не прошло и двух дней, как с берегов канала снова осыпался песок и все завалил»* [2, с.77].

Лексема «тирамох» (осень) усиливает восприятие напрасности усилий и цикличности природы: несмотря на старания, природа (песок) возвращает всё на круги своя. Словосочетание «*тирамохи гузашта*» указывает на конкретное время происходящего события — осень прошлого года. Это помогает выстроить хронологические рамки повествования и позволяет читателю понять, когда происходили описываемые действия. Так, лексема «тирамохи гузашта» не просто указание на время, а многофункциональный элемент текста, который помогает: задать хронологические рамки, усилить эмоциональную атмосферу, встроить событие в культурный и природный контекст.

В эпизоде: «*Дар ҳамон тирамоҳе, ки рӯди нав бароварда шуд, деҳқонони тумани Шофирком аз ин комёбии худ рӯхи нав ёфта кор сар карданд. Гандуми тирамоҳиро кишта гирифтанд, шохҷӯйҳоро кофта тоза карда барои кишти баҳорӣ тайёрӣ диданд*» [1, с. 57] // «Осенью, когда был прорыт новый канал, крестьяне Шофуркомского тюменя, одушевленные удачей, приступили к полевым работам. Начали сеять озимую пшеницу, очищать и прорывать арыки, готовиться к весенней пахоте» («В Шофиркомском тюмене после прорытия нового канала», [2, с. 86]. Сезонная лексема «тирамох» и производные от неё играют в этом отрывке многофункциональную роль, например выполняют темпоральную функцию (указание времени): фраза «*дар ҳамон тирамоҳе*» (*в ту самую осень*) точно указывает на время действия — момент, когда были достигнуты успехи в ирригационных работах. Также и «*гандуми тирамоҳиро*» (*озимая пшеница*) указывает на время посева конкретной сельскохозяйственной культуры, характерной именно для осени.

Осень в данном контексте выполняет смыслоорганизующую функцию (структурную): является поворотной точкой сюжета — *началом нового этапа жизни и труда*: «...*деҳқонон... рӯхи нав ёфта кор сар карданд...*». Здесь осень символизирует обновление и надежду после прорытия нового канала, в отличие от предыдущего отрывка, где осень ассоциировалась с напрасными усилиями. Социально-культурная функция осени в данном примере заключается в реализме повествования, привязывая его к этнографическому и аграрному контексту региона. Сезонная лексема «тирамох» в сочетании с выражением «*рӯхи нав ёфта*» («*вдохновились*») наделена положительной **эмоциональной окраской** — осень здесь не упадок, а время подъёма, плодотворности.

Перевод выполнен качественно, с некоторыми недостатками, однако переводчик отнеслась к оригиналу уважительно. Сезонные лексемы в переводе в целом сохранены, передают временные и образные черты, но в отдельных случаях утрачена их культурная и эмоциональная нагрузка. Переводчик чаще всего использует *прямые эквиваленты* («*тирамох*» — «*осень*», «*баҳор*» — «*весна*», «*зимистон*» — «*зима*», «*тобистон*» — «*лето*»), что обеспечивает *точность*, однако иногда сглаживает *стилистическую окраску* оригинала. В ряде случаев переводчик *опускает повтор сезонных слов*, делая текст компактнее, но теряя *ритмичность и цикличность*, важные для авторского стиля.

Оригинал: «Ман *баҳорон* аз пули боқимондаи каду як мешу барра харида ба гӯсфандчаронӣ даромадам ва дар дили худ мегуфтам: «*Дар тирамоҳ* хар дуи инҳо ду гӯсфанди калони фарбеҳ хоҳанд шуд. Якеро фурухта *дар зимистон* харч мекунем, дигареро кушта тор кашида мехӯрем» [1, с. 120]. *Перевод*: «Весной на деньги от продажи тыков я купил овцу с ягненком и теперь стал их пасти; я мечтал, что к зиме они станут большими и жирными. Овцу я продам для расходов по дому, а ягненка мы зарежем, заготовим мясо впрок и будем этим жить» [2, с. 179].

Оригинал: «То сар шудани *сардиҳои рӯзҳои тирамоҳ ришта ҷунбиш кард*, ҳаракат намуд, аммо бар рӯй набаромад ва баъд аз сар шудани сармо ором гирифт. Дар соли оянда

аз аввали баҳор боз ба чунбиш ва ҳаракат даромад, аммо то тирамоҳ ба рӯй набаромад ва дар зимистон боз ором гирифт.

Ба ҳамин тариқа, то даҳ сол ҳар тобистон ҳаракат ва чунбиши пурқувват мекард, аммо бар рӯй намебаромад ва нӯг намеодод. Баъд аз он ҳаракат ва чунбиши он сол то сол камтар шудан гирифт, аммо дар вақти молиш ба даст маълум мешуд, ки халқа зада хобидааст.

Хулоса, то понздаҳ сол пеш аз ин (яъне тахминан чил сол) ҳар тобистон он ришта суст ҳам бошад, чунбиш ва ҳаракат мекард ва баъд аз он тамоман ором гирифт ва то даҳ сол пеш аз ин ба даст маълум мешуд, баъд аз он тамоман номаълум шуда рафт» [1, с. 612-613].

Перевод: «До самых осенних холодов ришта шевелилась и двигалась, но на поверхности не появлялась; когда же похолодало, она успокоилась. На следующий год в начале весны ришта снова пришла в движение, но до осени не появлялась наружу, а зимой опять успокоилась. Таким образом в течение десяти лет *каждое лето она шевелилась и усиленно двигалась*, но наружу не появлялась и кожу не прорывала. Затем шевеление ее постепенно начало утихать, но при ощупывании было ясно, что она спит, свернувшись кольцом.

Короче говоря, до последних пятнадцати лет моей жизни (т.е. приблизительно в течение сорока лет) *каждое лето ришта шевелилась*, хотя и слабо, а затем совершенно замерла; затем в течение пяти лет ее еще можно было нащупать рукой, после этого она исчезла совсем» [2, с. 870-871].

Оригинал: «Падар тирамоҳ заминро об дода каландгардон карда, зимистон кавсоб ва чиллаоб дода монда буд ва баҳор баъд аз як бори дигар каландгардон кардан пору рехт» [1, с. 108].

Перевод: «Минувшей осенью отец взрыхлил кетменем землю, зимой произвел первый и второй полив, а весной, после еще одного разрыхления земли кетменем, вывез удобрения» [2, с. 161].

Перевод передаёт точность и логичность сельскохозяйственной деятельности, распределённой по сезонам: *осень – подготовка, зима – удержание и защита, весна – возобновление*: «Аммо аз амир ба номи қозии мазкур муборакнома (фармон) омадааст, ки вай дар тумани Шофирком рафта ба кори рӯдинавбарорӣ роҳбарӣ намояд ва корро ба тарзе ташкил кунад, ки *то охири тобистон* дар рӯди нав об чорӣ шуда, деҳқонон *барои киштиҳои тирамоҳӣ* аз он об истифода бурда тавонанд» [1, с. 53] // «Но на имя казия от эмира пришел фирман, чтобы он отправился в Шофуркомский тюмень и стал руководителем работ по рытью нового канала. Абдулвохид должен был так повести дело, чтобы *к концу лета* в новом канале потекла вода и народ смог бы брать ее *для осенних посевов*» [2, с.80].

Сезонные маркеры выполняют в тексте функцию философского и эмоционального символа: «Ин кампир чунон бекасе менамояд, ки агар зинда монад, танҳо пули ҳамин ғӯза харчи зимистонии ӯ мешавад ва агар мурад, ба харчи ғӯру кафанаш меравад» [1, с. 211] // «Эта старуха так выглядит, что если она останется жива, то деньги за хлопок пойдут ей на расходы на зиму, а если умрет – то на саван и похороны» [2, с. 306]. В этом случае «зима» не просто сезон, а экзистенциальный символ предельной нужды или смерти. Перевод это сохраняет, передавая двойственность будущего старухи: или бедная жизнь, или смерть (см.еще пример: «Дар охирҳои тобистони соли 1889 модаркалонам (модари модарам), ки як кампири 70-солаи барҷомонда буд, ба ман хабар фиристонд, ки додарҳоямро гирифта ба пеши ӯ барам ва ӯ дар охири умраш моёнро бинад» [1, с.125] // «В конце лета 1889 года моя бабушка со стороны матери, которой было семьдесят лет, послала за мной и просила меня с братьями прийти к ней повидаться перед смертью» [2, с. 185].

В тексте можно встретить сезонные лексемы как *средство лексической и образной организации текста*: «Ночор касоне, ки аз чор тараф аз кӯчаҳои тангу тори Бухоро *монанди селҳои айёми баҳорон* мавҷзанон шорида меомаданд, *ба шакли оби зимистонии дарёи Зарафшон* паси ҳамдигар *гӯё ях баста*, танба зада, торафт пасноки дамида мерафтанд» [1,

с.516] // «Волей-неволей толпы людей, *подобно весенним дождевым потокам вливавшиеся на площадь с четырех сторон из темных и тесных бухарских улиц, напивали друг на друга, словно воды Зерафшана*» [2, с.738].

Переводчик адекватно передаёт образ «замерзшей, но напористой» воды как метафору толпы. Здесь играет роль не просто упоминание сезона, а характер зимнего движения воды — *медленного, тяжёлого, затруднённого*.

В переводе предложения «Як шаб ҳаво соф буд, *сармои тунди тирамоҳӣ ба бадани кас монанди бигизи дар отаи тафсида сӯзиш кунонида меҳалид*» [1, с.115] // «Однажды ночью погода была очень ясной, *пронизывающий осенний холод колот тело, подобно раскаленному на огне шилу*» [2, с.177], переводчик воспроизводит стилистический эффект боли: сравнение с раскалённым шилом, но немного упрощает структуру оригинала: таджикский текст богаче по образности.

Переводы выполнены точно и художественно, сохраняя символизм сезонов — зимы и осени — как маркеров жизненных фаз; индикаторов социального и экономического положения; философских образов (неизбежность, старение, смерть); образных и эмоциональных элементов (моральное состояние, физические ощущения, образы природы); лексико-семантических структур, организующих время, пространство и сюжет. Например: «*Майсаҳои ҷаву гандуми тирамоҳ киштануда замини сиёхро нӯшонида сабзу хуррам карда буданд*» [1, с.21] // «*Всходы озимой пшеницы и ячменя покрывали черную землю, делали ее зеленой и праздничной*» [2, с. 33].

Итак, Садриддин Айни использовал в тексте «Воспоминаний» образные лексемы, означающие сезонные периоды, около трёхсот раз.

В контексте лингвопоэтики повтор слов, означающих сезонные периоды, в автобиографической прозе Садриддина Айни становится *не просто стилистическим приемом, а важным элементом, который помогает углубить понимание авторской концепции жизни*. Частота повторения этих лексем не только подчеркивает смену сезонов, но и символизирует цикличность жизни, отражая внутреннее состояние и эмоциональные переживания автора. Сезоны в произведении Айни представляют собой метафоры различных этапов человеческой жизни. Эти лексемы могут символизировать утрату, размышления и рефлексии, что соответствует более глубоким и разнообразным аспектам человеческого существования.

Таким образом, лексические повторы в тексте Айни создают многослойный контекст, в котором каждое слово несет не только буквальное значение, но и эмоциональную, социальную, а изредка — и философскую нагрузку. Концепция «жизни» в «Воспоминаниях» становится центральной темой, которая пронизывает все аспекты человеческого опыта: от радости и надежды до утраты и воспоминаний.

В этом смысле лингвопоэтический анализ повторов служит важным инструментом для понимания глубины и сложности авторской мысли, а также для выявления универсальных человеческих переживаний, которые остаются актуальными вне зависимости от времени и места.

Центральное место в «Воспоминаниях» С. Айни занимают лексемы «падар» (отец) и «модар» (мать). Слово «модар» использовано в «Воспоминаниях» около четырёхсот раз, «падар» — семьсот девяносто пять раз. Эти слова не просто обозначают родственные связи, но и насыщены глубоким культурным, социальным и эмоциональным значением, что делает их важными объектами лингвопоэтического анализа.

Образ **отца** — «падар» — занимает в автобиографической прозе центральное место и формирует одну из ключевых тематических доминант повествования. Повторяющееся

использование лексемы «падар» подчеркивает не только важность фигуры отца в жизни автора, но и его символическую роль как *воплощения власти, морали, традиций и защиты*.

С самого начала повествования автор утверждает укоренённость своего рода: *«Падару бобоҳои ман аз ҷумлаи хоҷагони соқтарегии ин деҳа буданд»* — *«Мой отец и дед происходили из соктаринских ходжей»*. Здесь «падар» функционирует не просто как указание на родственную связь, а как *фигура, несущая историческую преемственность*, — символ рода и социальной принадлежности. Перевод точно передаёт эту связь, сохраняя вертикаль поколений.

В ряде других фрагментов отец представлен как *источник знаний и памяти*. Например: *«Назар ба нақли падарам – Сайид Муродхоҷа...»* — *«Как рассказывал мой отец – Сайид-Мурад-ходжа...»*. Здесь «падар» выступает в роли носителя предания, мудрого рассказчика, чьё слово важно и заслуживает доверия. Перевод адекватен, передаёт уважительный и повествовательный тон оригинала. Особое значение лексема приобретает в описаниях повседневного труда: *«Бофандагии падарам фақат барои пӯшок ва кӯрпа-болиши хонавода буд...»* — *«Ткал отец лишь для того, чтобы снабдить семью одеждой и постелью...»*. Здесь отец — *воплощение скромности, заботы, самоотдачи*, что удачно отражено в русском переводе. Однако в некоторых местах перевод утрачивает личностную окраску, например, при опущении местоимения «мой», что слегка снижает эмоциональную силу текста и отдаляет фигуру отца от читателя.

Кроме того, «падар» часто появляется в контексте детских воспоминаний, что создаёт глубокую эмоциональную связь между читателем и автором. Эти сцены наполнены тёплой ностальгией и уважением, а в более поздних эпизодах — грустью и чувством утраты. Например, когда отец проявляет заботу и поручает сыну важное задание: *«Падарам аз ман хоҳиш кард...»* — *«Отец попросил меня...»*. Такой эпизод иллюстрирует *доверие, воспитание ответственности*, и перевод передаёт это с должной точностью.

На протяжении всего текста отец остаётся *моральным и жизненным ориентиром*. Даже в ситуациях социальной неустроенности или бедности его образ сохраняет устойчивость, достоинство и внутреннюю силу. В русском переводе эти качества в целом сохранены, хотя местами эмоциональная насыщенность оригинала смягчается или стилистически упрощается.

Таким образом, лексема «падар» играет в автобиографическом нарративе *многослойную роль*: она обозначает не просто родственную принадлежность, а символизирует уклад, воспитание, духовные ценности и личную связь автора с прошлым. Перевод в значительной степени передаёт эти смыслы, однако для сохранения полной экспрессивности и интонационной глубины можно было бы в некоторых случаях избежать стилистических сокращений или обезличивания фразы. Тем не менее, в целом перевод остаётся *верным духу оригинала* и позволяет русскоязычному читателю прочувствовать *важность отца как стержневой фигуры в жизни и памяти автора*.

Фигура матери, представленная через лексему «модар», играет важную роль в автобиографической прозе Садриддина Айни. В таджикской культуре образ матери традиционно ассоциируется с заботой, теплом, эмоциональным комфортом, а также с интуитивным пониманием и поддержкой. Лексема «модар» несёт не только номинативную, но и *культурно-семантическую нагрузку*, воплощая образ женщины, сохраняющей устойчивость и тепло в семье. В произведении Айни мать занимает центральное место в семейном быту: она заваривает чай, готовит еду, следит за порядком, проявляет внимание к настроению мужа. Её поведение и действия раскрывают *эмоциональный фон семьи*, отражая заботу, сопереживание, чуткость. При этом образ матери часто контрастирует с образом отца, что позволяет автору создать *традиционную картину семейных отношений*. См. пример: *«Модар хӯрчинро дар айвончаи ошхона гузошта, зуд ба хона даромада салла ва*

чомаи падарро гирифта ба меҳи девор овехт ва **дар ҷои нишастии ӯ кӯрпача паҳн намуда лӯлаболишхоро дар паҳлуяш гузошт. Падар** бо ҳамон вазъияти андӯхгинона **ба модарам:** - Зудтар самовор монда ҷой дам кун ва аз даруни хӯрчин гӯштро гирифта саришта кун, ки гурба набарад, – гуфт ва худ лӯлаболишхоро дар сарғаҳи кӯрпача гузошта дароз кашид ва ман дар ҷое, ки рӯи ғамолуди ӯ намуда меистод, хомӯшона нишастам.

Модарам баъд аз ҷой дам карда овардан **ба неши падар дастархон кушод**, нон ва ғӯлунғоб ниҳод. Падар аз ҷояш хеста нишаста ба ҷойнӯшӣ ва нонхӯрӣ даромад ва ҳоло ҳам пешонааш кушода намешуд. **Модарам** бояд барои фаҳмидани ин вазъияти падар бошад, ки **аз вай пурсид:** - Магар чархҳо фурӯш нашуданд?

- Фурӯш шуданд, ду дарахти гучум ҳам харида ғалтонда ба андозаи чарх бурида мондам, ки дар айёми тобистон рафта метарошам, – гуфт дар ҷавоб ва боз хомӯш монд.

- Худо накарда, магар дар мизочатон гаронӣ доред, ки ин қадар пажмурда ва ғамгин менамояд? – гуфт модарам.

- Ин гаронӣ дар ман аз мизочам не, балки аз аҳволи тумани Шофирком омад, – гуфт падарам ва боз хомӯш монд.

Модарам нӯги каловаи чигилишудаи аҳволи падарамро ёфта буд, аммо тафсилот меҳост» [1, с. 76–77].

В русском переводе образ матери передаётся через слова «мама» и «мать», однако лексема «мама», преобладающая в тексте, носит более разговорный и интимный оттенок, что несколько снижает культурно-семантическую глубину оригинального слова «модар», например: «— **Мама** заварила чай, **расстелила** возле тюфячка **скатерть**, принесла лепёшки и густой компот из сушёных абрикосов. Отец сел, стал пить чай и есть, но лицо его по-прежнему оставалось нахмуренным. **Пытаясь угадать причину мрачного настроения мужа, она осторожно спросила:** — Разве не удалось продать мельничные колёса?

— Те, что были готовы, проданы, я купил ещё два карагачевых дерева, срубил их и распилил на части, чтобы летом можно было обтесать, — ответил отец и снова умолк.

— Не дай Бог, уж не захворали ли вы, что так расстроены и огорчены? — наконец **прямо обратилась к нему мать.**

— Моё расстройство не от болезни, — ответил он, — я огорчён тем, что видел в Шофиркомском тюмене.

Мама словно отыскивала кончик запутанного клубочка — поняла причину его печали».[2, с.76-77]

Как показывает анализ, лексемы «модар» и «падар» в «Воспоминаниях» Айни отражают традиционные культурные установки таджикского общества, где родители не просто участники семейной жизни, а символы ответственности, мудрости и преемственности поколений. Через эти фигуры Айни затрагивает вопросы жизни, смерти, любви и смысла человеческого существования, вписывая личную историю в широкий историко-культурный контекст.

Лексические повторы в автобиографическом нарративе выполняют не просто структурную или стилистическую функцию — они становятся носителями глубинных смыслов, формируя многослойный контекст, в котором каждое повторяющееся слово превращается в ключевой элемент авторской концепции жизни. В автобиографии повтор не только отражает движение памяти, но и выполняет **дидактическую функцию**: помогает автору и читателю осмыслить пройденный путь, зафиксировать нравственные ориентиры, передать важные жизненные уроки и ценности. Таким образом, повторяющиеся лексемы обретают особый статус: становятся смысловыми центрами, вокруг которых выстраивается мировоззренческая и эмоциональная ткань повествования.

В этом контексте автобиографическое произведение, например текст Айни, представляет собой не просто личную историю, но и богатейший источник для изучения лексической и образной организации текста, а также для анализа философских, культурных и социальных концептов, укоренённых в таджикской ментальности.

Повторяющиеся слова и выражения — будь то метафоры, культурные реалии или обращение к базовым понятиям (семья, труд, земля, язык, честь) — несут в себе накопленный опыт не только индивидуума, но и народа в целом. Анализ таких лексем с позиций лингвопоэтики позволяет выявить, каким образом через повтор создаётся смысловая структура текста, как формируется авторский голос и как происходит передача культурной памяти. Повторы становятся не только элементами стиля, но и своеобразными «концептами-проводниками», через которые раскрываются глубинные связи между индивидуальной судьбой и историей народа. Именно поэтому их системное изучение представляет собой важнейшее направление в исследовании автобиографической прозы как художественно-познавательного феномена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни, С. Ёддоитҳо (чаҳор қисм) / С. Айни. — Душанбе: Сарредакцияи илмӣи Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2000. — 680 с.
2. Айни, С. Воспоминания [Текст] / Пер. с тадж. А. Розенфельд; Изд. подгот. А. Розенфельд [и др.] ; [Акад. наук СССР. Лит. памятники] / С. Айни. — Москва.- Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1960. — 1087 с.
3. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Ролан Барт; Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3-45] Г. К. Косикова. — Москва: Прогресс: Универс, 1994. - 615 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст]: [сб. избр. тр.] / [Прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова] / М. М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1979. — 423 с.
5. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. — Москва: Гослитиздат, 1959. — 654 с.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; АН СССР, Институт языкознания. — Москва: Наука, 1981. — 139 с.
7. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования / Б. М. Гаспаров. — Москва: Новое лит. обозрение, 1996. - 351 с.

REFERENCES:

1. Aini, S. Memories (four parts) / S. Aini. — Dushanbe: Scientific chief-in-editor of Tajik national encyclopedia, 2000. — 680 pp.
2. Aini, S. Memories [Text] /translated from Tajik A. Rosenfeld; prep. A. Rosenfeld [and others]; [Acad.of science of USSR. Lit. monument] / S. Aini. — M.- L.:Publishing house of academy of science of USSR [Leningrad department], 1960. — 1087 pp.
3. Bart, R. Selected works: Semiotics. Poetics: trans. From French /Rolan Bart; edited by G.K.Kosikova. — Moscow: Progress: Universe, 1994. - 615 pp.
4. Bakhtin, M.M. Aesthetics of Verbal Creativity [Text]: / [Commentary of S.S. Avarintsev, S.G. Bocharov] / M. M. Bakhtin. — Moscow: Art, 1979. — 423 pp.
5. Vinogradov, V.V. About the Language of Fiction [Text] / V. V. Vinogradov. — Moscow: Goslitizdat, 1959. — 654 pp.
6. Galperin, I. R. Text as the Matter of Linguistical Research / I. R. Galperin; AS USSR, Institute of linguistics. — Moscow: Nauka, 1981. — 139 pp.
7. Gasparov, B.M. Language, memory, image: Linguistics — the Language of Existance / B. M. Gasparov. — M.: New literary review, 1996. - 351 pp.